

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 6
volume 6**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Поэзия "Пяти монастырей"

А. М. Кабанов
Институт востоковедения РАН
(Санкт-Петербург)

Формально родоначальником японской литературы "пяти монастырей", создававшейся в течение нескольких веков дзэнскими монахами на *камбуне* (японском варианте китайского языка), считается китайский монах И-шань И-нин (1247—1318), который прибыл в Японию в 1299 г. и оставался там до самой смерти. И-шань привез с собой из Китая много книг, в том числе и сочинений нерелигиозного содержания, а потом всячески поощрял литературные увлечения своих японских учеников. Он не только встретил теплый прием у регента Ходзэ Садатоки и в сёгунских кругах, но и стал первым дзэнским монахом, пользовавшимся симпатиями консервативно настроенных придворных аристократов — *кугэ*. Его литературный талант признавали даже те, кто относились к *дзэн* без особой симпатии. Например придворный Рокудзэ Арифуса, не скрывавший своих антипатий к *дзэн*, в трактате о поэзии "Носюкё" выразил искреннее восхищение ученостью и добродетелью И-шаня, а после его кончины даже сложил эпитафию. И все-таки, как справедливо отмечает Тамамура Такэдзи, крупнейший японский специалист по *годзан бунгаку*: "Иссан считается родоначальником *годзан бунгаку* исключительно по традиции, поскольку трудно обнаружить разницу между его поэтическими сочинениями и произведениями таких его предшественников, как Мугаку Согэн или Дайкю Сэйнэн" (19, с. 36).

Впрочем, к тому времени история *дзэн* в Японии насчитывала уже целое столетие, что несомненно нашло отражение и в литературе. В сборниках речений (*гороку*) таких прибывших из Китая монахов, как Лан-цзи Дао-лунь (Ранжэй Дорю, 1213—1278), У-ань Пу-нин (Готтан Фунэй, 1197—1276), Гуй-ань Цзу-юань (Киан Соэн, 1261—1313), У-сюэ Цзу-юань (Мугаку Согэн, 1226—1286) и вернувшихся после обучения в Китае Энни Бэньэна (1202—1280) и Мудзо Дзёсё (1233—1306) стихотворные словословия и буддийские *гатхи* выделены в отдельный раздел. В этих облаченных в религиозную форму стихотворениях использовались такие чисто литературные приемы, как метафоры, гиперболы, соблюдались правила традиционного китайского стихосложения. И по форме и по композиции ранние японские *гороку* в точности повторяли танские и сунские *юйлу*, но вскоре в них начала "отчетливо проявляться тенденция к достижению максимальной изысканности и появлению хорошего литературного вкуса" (29, с. 8). В конце периода Камакура (начало XIV в.) в рамках *дзэн* в Японии сформировалось направление, которое в позднейшей литературе получило название "сунского стиля" (хотя по времени это соответствует более поздней династии Юань). Ее представители придерживались традиции южносунской школы Да-хуй, которая стремилась привнести в *чань* элементы нерелигиозной литературы. Крупнейшими представителями этой школы были Кокан Сирэн и Сэссон Юбай. Хотя Кокан был скорей ученым, чем поэтом, он оказал значительное влияние на многих последующих представителей *годзан бунгаку*, в частности на Тюгана Энгэцу, который был его преданным учеником до и после своего длительного пребывания в Китае. Тради-

ция, заложенная Коканом, в сфере поэзии сохранялась прежде всего среди монахов Тофукудзи, таких как Рюсэн Рёдзуй (ум. в 1365 г.), Сёкай Рэйкэн (1314—1396), Муган Соо (ум. в 1373 г.) и Дайто Итии (1292—1370).

В первые три десятилетия XIV в. число монахов, отправлявшихся в Китай изучать *дзэн*, значительно возросло. Они подолгу жили в храмах разных школ и направлений и получали там не только религиозное обучение, но и приобщались к китайской литературе. Эти поездки привели к установлению личных и литературных контактов с китайскими собратьями по вере и к возникновению своеобразного "духовного братства". В конце эпохи Камакура *дзэн* все чаще начал вторгаться в литературные сферы, в результате чего многие монахи начали прибегать к поэзии для выражения не только религиозных, но и личных чувств. До этого дзэнская поэзия в Японии была представлена почти исключительно гатхами на традиционные буддийские сюжеты. С этого времени в ней начинают появляться новые темы, непосредственно не связанные с традиционными религиозными штампами. Начали составляться поэтические сборники (*гэсю*), которые уже не являлись просто составной частью *гороку* и включали в основном произведения нерелигиозного содержания. Литературный уровень и мастерство дзэнских поэтов значительно возросли, в их поэзии усилились элементы лирики.

Прибывшие из Китая чаньские монахи, такие как Мин-цзи Чу-цзюнь (Минки Сосюн, 1261—1336), Цин-чжо Чжэн-чэн (Сёсэцу Сётё, 1274—1339) и Чжу-сянь Фань-сянь (Дзикасэн Босэцу, 1291—1348) принесли с собой новый "юаньский стиль", и в творчестве японских дзэнских поэтов зазвучала новая струна. Они основали своеобразное литературное сообщество, влияние которого распространялось почти на все монастыри Киото и Камакура. В поэтической сфере они придерживались классической системы китайского стихосложения и рифм, но, стремясь к ясности и точности передачи смысла, они избегали приукрашиваний, непонятных образов, туманных выражений. Три вышеупомянутых поэта почти никогда не выходили за рамки традиционной буддийской тематики. Им удалось достичь определенного совершенства в сочинении *гатх*, и некоторые из их стихотворений обладают бесспорными литературными достоинствами, хотя чаще всего они изобилуют стандартными буддийскими образами и с литературной точки зрения представляются весьма посредственными. Особо следует выделить стихотворения, обращенные к дзэнским монахам, с которыми они поддерживали дружеские отношения.

Наиболее яркое отражение "юаньский стиль" получил в творчестве таких дзэнских поэтов, как Бэцугэн Энси (1294—1364), Тэсё Токусай (1284—1346?), Фумон Каймон (1302—1368), Дзякусицу Гэнко 1290—1367), Сэкисицу Дзэнкю (1294—1389), Тюган Энгэцу (1300—1375), Гутю Сюкю (1325—1388), Дзёрин Рёса, Кокэн Мёкай и др. Число известных поэтов, принадлежавших к этой школе, превышает шестьдесят человек. Хотя после кончины ее китайских родоначальников, направление "юаньского стиля" несколько ослабло, оно еще долго оставалось основным направлением в рамках *годзан бунгаку* (14, с. 229).

Прекрасное знакомство с китайской литературой и многолетний опыт пребывания в Китае наиболее полное отражение получили в творчестве Тюгана Энгэцу, Рюдзана Токкэна и Сэссона Юбая. Все они оказали сильное влияние на поэтов последующего поколения и пользовались заслуженным признанием современников.

Хронологически первый этап истории *годзан бунгаку* завершился примерно к середине XIV в., что совпало с крушением камакурского сёгуната. К тому времени в дзэнской поэзии были испробованы и продемонстрированы литературные возможности почти всех форм китайской поэзии. В поэзии *годзан бунгаку* нашли отражение различные литературные стили и тенденции,

хотя преобладающим было сочинение буддийских гатх. Однако постепенно дзэнская поэзия начала все более утрачивать чисто религиозную оболочку, что привело к возрастанию литературного уровня.

Хотя некоторые дзэнские поэты ограничивались чисто буддийской тематикой: воспевали будд и патриархов, опыт монастырской жизни, многие испытали сильное влияние китайской небуддийской поэзии (прежде всего таких поэтов, как Ли Бо (701—762), Ду Му (803—852), Бо Цзюй-и (772—846), Су Ши (1036—1101)). Приверженцы последнего направления стремились к выражению личных эмоций и переживаний, что придавало их произведениям большую страстность и индивидуальность. Преобладающей темой их творчества было философское осмысление противостояния человека и мира природы, осознание нерасторжимого единства с ним, достигаемого через личный религиозный опыт. Поэты третьего направления стремились обогатить буддийский опыт и знания, приобретенные в результате чтения буддийских сочинений, образами, заимствованными из светской литературы.

Первая тенденция наиболее отчетливо прослеживается у Дзикаусэна Бонсэна и Дзякусицу Гэнко, вторая — в творчестве Сэссона Юбая и Тюгана Энгэцу, а наиболее ярким представителем третьего был Кокан Сирэн.

Уже на раннем этапе отчетливо наметились те пути, по которым пошло дальнейшее развитие годзан бунгаку. Характерной особенностью раннего периода было то, что становление этой литературы происходило одновременно с распространением и утверждением в Японии школы *дзэн*. "Сунский" и "юаньский" стили были с легкостью восприняты в стране, где уже существовала давняя традиция писать стихи на *камбуне*. Однако, если ранее это было в основном достоянием придворных аристократов, и в них находили отражение их вкусы и интересы, литературная деятельность поэтов *годзан бунгаку* была неразрывно связана с жизнью и бытом дзэнских монастырей, обильно насыщена дзэнскими образами и идеями. При этом она оставалась только одним из ручейков камакурской литературы, который почти не повлиял на японоязычную литературу того времени.

Последующий период, охватывающий вторую половину XIV и первые три десятилетия XV веков, по праву считается "золотым веком" *годзан бунгаку*. Историки японской культуры нередко называют период с 1392 по 1408 г. "эпохой Китаяма" — по названию особняка сёгуна Асикага Ёсимицу в окрестностях Киото, называвшегося Китаяма Рокуондзи. Культурный всплеск в эпоху Китаяма во многом определяется личным покровительством Ёсимицу дзэнским монастырям, в стенах которых и процветали культура и искусство. Оценивая культуру этого периода, Х. П. Вэрли отмечает ее социальное разнообразие. Он пишет: "Появлению разных новых тенденций в искусстве и науке эпохи Китаяма способствовали прежде всего две группы населения: во-первых, придворные низкого ранга и выходцы из низших слоев общества, которые благодаря своему исключительному таланту приобрели профессиональный или квазипрофессиональный статус поэтов, актеров, драматургов или ценителей искусств; а во-вторых, священники, прежде всего последователи дзэн-буддизма направления Риндзай, проживавшие в монастырях на северных и восточных окраинах Киото. Что же касается их культурных интересов, то первая категория основное внимание уделяла развитию новых японских видов искусства, возникших в начале периода Муромати, к числу которых относились не только *рэнга*, но и *кёгэн*, в то время как буддийские монахи, в задачу которых входило привносить из Китая свежие волны искусства и учености, предавались прежде всего таким "чужеземным" занятиям, как поэзия на китайском языке, сунское неоконфуцианство и монохромная живопись. Изучение куль-

туры Китаяма логически сводится у анализу этих двух групп, их деятельности и того покровительства, которым они пользовались" (38, с. 184).

Во второй половине XIV в. произошло окончательное оформление разветвленной системы дзэнских монастырей (*годзан*), находившихся под непосредственным контролем правительства. Сближение дзэнских монахов с окружением сёгуна, придворной аристократией и провинциальным самурайством еще в большей степени способствовало усилению в монастырях *годзан* секуляристских тенденций. На смену аскетическим практикам и изнурительному занятию сидячей медитацией (*дзадзэн*) пришли частые поэтические вечеринки с участием знатных мирян, которые нередко сопровождались пирушками. Система *годзан* превратилась в одно из колесиков громоздкого бюрократического механизма, а монахи стали выполнять почти чиновничьи функции, поэтому именно на них чаще всего возлагалась обязанность выполнения ответственных политических и дипломатических поручений.

Под влиянием перемен, происходивших в монастырской жизни, поэзия *годзан бунгаку* также начала приобретать новые черты. Прежде всего это было связано с новым "минским стилем", которого в Китае придерживались представители направления Да-хуй. Для этого стиля было характерно использование "параллельной прозы" — *сирокубун* (букв. "тексты четыре-шесть"). Предельно формализованные и нарочито усложненные фразы, составленные из параллельно расположенных групп по четыре или шесть иероглифов, использовались практически для всех проповедей, официальных обращений, мемориальных надписей, и даже писем. Распространение минского стиля способствовало росту популярности поэзии на *камбуне* в среде придворных аристократов, до того ориентировавшихся почти исключительно на национальную литературную традицию. Одновременно происходило и ослабление религиозной направленности поэзии *годзан бунгаку*. Продолжали составляться сборники гороку, в которые почти непременно включались и специальные поэтические разделы, но резко возросло и количество поэтических сборников, авторы которых преследовали чисто литературные цели.

Параллельное существование в дзэнской поэзии трех стилей: "сунского", "юаньского" и "минского" продолжалось до тех пор, пока Гидо Сюсин (1325—1388) и Дзэккай Тюсин (1336—1408) не объединили в своем творчестве лучшее из всех трех направлений. Они оба были уроженцами провинции Тоса, оба были учениками прославленного Мусо Сосэки и оба занимали высокие монастырские должности. Их называли "двумя драгоценными камнями литературы пяти монастырей".

Из дзэнских поэтов последующего периода, испытавших сильное влияние Гидо и Дзэккай, особого внимания заслуживают: Исё Токуган (1360—1437), автор поэтического сборника "Токай кэйка сю" и популяризатор в дзэнской среде поэзии Су Ши; Косэй Рюха (1384—1446), автор поэтических сборников "Дзокусуйсю" и "Канъансю"; Гакуин Экацу (1357—1426), автор сборника "Нанъюко"; Итю Цудзё (1349—1437), автор сборника "Унгаку энгин"; Тайхаку Сингэн (ум. в 1415 г.), автор сборника "Габи асюсю"; Синдэн Сэйхан (1375—1447), Тюхо Энъи (1354—141), Сэйин Сюдзё (1364—1422), Гиё Хосю (1342—1424) и др. Благодаря их усилиям "пять монастырей", являвшие собой средоточие образованных и литературно одаренных монахов, превратились в своеобразные культурные центры, хранилища рукописей и центры ксилографирования, а дзэнские монахи заняли роль интеллектуальной элиты того времени.

В период Китаяма в поэзии *годзан бунгаку* преобладало сочинение семи-сложных четверостиший — *дзэку* (кит. *цзюэцзюй*), число же прочих поэтических форм резко сократилось, а некоторые монахи-поэты вообще перестали писать стихи (12, с. 33). Популярность и даже обязательность использова-

ния в среде *годзан* параллельной прозы *сирокубун* требовало постоянного совершенствования литературного мастерства, поэтому монахам все чаще приходилось обращаться к светской литературе в поисках ярких образов и аллюзий.

Все более активно стали изучаться и конфуцианские сочинения. Большой популярностью в дзэнской среде начала пользоваться теория "единства трех учений" (буддизма, даосизма и конфуцианства, а впоследствии — буддизма, конфуцианства и синтоизма). Этому способствовало наличие уже у первых пропагандистов *дзэн* в Японии синкретических тенденций. Симпатию к теории "единства трех учений" можно обнаружить практически у всех крупных представителей *годзан бунгаку* периода Китаяма (подробнее см.: 26, с. 518—28; 37, с. 205—226).

Увлечение поэзией распространилось и на монастыри *ринка* — те храмы школы Риндзай-дзэн, которые не входили в систему *годзан* — и даже на некоторых монахов Сото-дзэн, где до того литературная деятельность намеренно игнорировалась, а предпочтение отдавалось чисто религиозной практике.

В период Китаяма школа *дзэн* окончательно оформилась как независимое направление и смогла отмежеваться от своего китайского прародителя — *чань*. Появились яркие и оригинальные дзэнские поэты, которые в своем творчестве уже не ограничивались механическим воспроизведением китайских штампов. Вызревшая в стенах монастырей *годзан* культура стала широко проникать во все слои японского общества и содействовать формированию единой национальной культуры.

Однако после междоусобных войн годов Онин (1467—77), которые нанесли стране огромный ущерб и подорвали экономическую основу режима Асикага, уже ранее намечавшийся упадок *годзан бунгаку* еще более усилился. За годы междоусобиц многие крупные монастыри *годзан* в Киото были сожжены и разорены и уже никогда не смогли окончательно оправиться от причиненного им ущерба.

Годзан бунгаку начала утрачивать прежнюю энергию и жизнеспособность. Произведения дзэнских поэтов этого периода, получившего в истории культуры название Хигасияма (с 1473 по 1490 г. в районе Хигасияма в Киото находилась резиденция сёгуна Ёсимаса), отличаются манерностью, вычурным эстетизмом, сочетавшимся не только с подражанием великим китайским поэтам прошлого, но прежде всего тем из своих предшественников, которые способствовали расцвету в Японии поэзии на *камбуне*. В большом количестве представлены стихотворения, написанные на веерах и картинах, которые по содержанию напоминают японоязычные *вака*. Значительно уменьшилось количество стихотворений, воспевающих вольную, отшельническую жизнь на лоне природы, что, несомненно, связано с изменением образа жизни дзэнских монахов. Вместо чисто религиозной деятельности они предпочитали заниматься литературой, наукой, политикой, дипломатией, торговлей, строительными делами, всяческими видами искусства.

В период Хигасияма литературная деятельность в монастырях *годзан* еще более активизировалась: было издано множество поэтических и прозаических сборников отдельных авторов и антологий. В монастыре Тофукудзи главными продолжателями традиции Мугана Соо и Гиё Хосю были Коси Эхо (ум. в 1464 г.) и Унсё Иккэй (1386—1463); традиции Гидо Сюсина в монастыре Сёкокудзи продолжали Осэн Кэйсан (ум. в 1493 г.), Гэнрю Сюко, Кэйдзё Сюрин (1440—1518) и Банри Сюку (ум. в 1586 н.). В Нандзэндзи и Кэнниндзи традицию Дзэккай Тюсина продолжали Сёдзю Рюто (ум. в 1498 г.), Тэнбин Рютаку (ум. в 1500 г.) и Гэссю Дзюккэй (ум. в 1533 г.). Однако количественный рост сопровождался снижением качества поэзии. Ни одного из поэтов поздней

го периода нельзя поставить в один ряд с их великими предшественниками. Особо можно отметить двух поэтов: Дзуйкэй Сюхо (1391—1473) и Кисэй Рэйгэна (1403—1488).

Дзуйкэй являлся автором "Дзасэцу" — комментариев к стихотворениям Су Ши, "Дзэнрин кокухо ки" — сборника документов, посвященных внешнеполитическим и торговым связям с Китаем, дневника "Гаун никкэн року" и "Ньюто ки" — путевых записок о путешествии по району Канто. Ему же принадлежит монументальное сочинение в 200 свитках, *кокутё*, собрание сведений, представляющих интерес для дзэнских монахов и почерпнутых у старых китайских и японских авторов (6, с. 54—56).

Кисэй Рэйгэн избегал славы и роскоши, отказывался занимать высокие монастырские должности и все свободное время отдавал литературным занятиям. Его произведения отличаются глубоким внутренним самоанализом и оригинальностью оценок.

В эпоху Хигасияма в *дзэн* еще больше усилились синкретические тенденции, в него начали проникать элементы народных верований и эзотерического буддизма — *миккё*. В дзэнских монастырях появилась и совершенно новая тенденция — практика *нэмбуцу* (непрестанное произнесение имени будды Амида с целью достижения спасения в Западном раю). *Дзэн* приобретал все более отчетливо выраженную японскую окраску. В стихах и прозе стало заметно влияние национальной литературы, некоторые монахи даже начали читать лекции по традиционной японской литературе. Например, Дзуйкэй толковал для придворных содержание "Хэйкэ моногатари" (6, с. 54—55). Большой популярностью пользовалось сочинение "сцепленных строф" (*рэнку*), причем часто устраивались поэтические состязания (*сисэн*), во время которых сочинялись многие сотни строф.

В период Хигасияма происходило несомненное истощение интеллектуального духа *дзэн*, которому на смену шло выпестованное монахами *годзан* неоконфуцианство. Поэзия *годзан бунгаку* стала и более вульгарной. Некоторые поэтические сборники изобиловали стихотворениями на эротические темы, чаще всего это были обращения к красивым мальчикам-послушникам. При этом используемая в них лексика была настолько зашифрованной, что непосвященные не могли усмотреть в них ничего предосудительного. Однако в целом литературный уровень продолжал снижаться.

Именно в это время дзэнская культура вышла за стены "пяти монастырей" и широко распространилась по всей стране, в той или иной степени оказав влияние почти на все сферы японской культуры и быта: на театр Но, японоязычную поэзию *вака* и *рэнга*, на каллиграфию и монохромную живопись, на архитектуру и искусство разбивки садов ("сады камней и песка"). Японский ученый Каго Сюити справедливо считает, что нужно говорить не о влиянии *дзэн*, а скорей о его трансформации: "Монахи *годзан* увлекались сунской и юаньской живописью, и если достигали в этом успехов, превращались в профессиональных живописцев. Точно так же, увлекаясь классической китайской литературой, они слагали стихи и прозу, которые постепенно утрачивали дзэнский "привкус". Наряду с этим, в огромной монастырской организации, существовавшей благодаря поддержке властей, интересы монахов неизбежно все более перемещались из религиозной сферы в культурную. Таким образом, "японизация" *дзэн* — это не что иное, как его обмирщение, а под "обмирщением" имеется в виду и его превращение в искусство" (9, с. 125).

Поэзия *годзан бунгаку* во многом повлияла и на японскую буддийскую литературу в целом. Если в XIII в., в начале эпохи Камакура, буддийская литература носила отчетливо выраженный религиозный характер, то под влиянием *годзан бунгаку* в ней значительно ослаб элемент дидактизма, и буддийские

сочинения стали по форме более литературными, отточенными и эмоционально окрашенными, их авторы все чаще прибегали к художественным приемам при изложении чисто буддийских концепций.

От первоначально незамысловатой назидательности, изложения прописных буддийских истин и неизбежной шаблонности поэзия *годзан бунгаку* поднялась на такой высокий эстетический уровень, что могла успешно соперничать с поэзией светской. Она обогатила японскую поэзию новыми образами и идеями, почерпнутыми у китайских поэтов, значительно расширила ее тематический диапазон. Обращение к традиционной китайской культуре и литературе привело к тому, что многие стихотворения *годзан бунгаку* настолько изобилуют заимствованными у китайских авторов образами и выражениями, намеками и аллюзиями на сюжеты из китайской литературы и истории, что до конца понять их можно только в широком контексте китайской культуры.

Вероятно, это и явилось одной из основных причин сознательного и длительного игнорирования этой литературы большинством историков японской литературы, как чужеродного элемента. В этом нет ничего удивительного, поскольку камнем преткновения для них оставался именно китайский язык, в то время как японские синологи обращали свое внимание прежде всего на китайскую литературу, а мир и реалии японского *дзэн* оставались для большинства из них *tabula rasa*. Характерное для большинства японских исследователей пренебрежительное отношение к *годзан бунгаку* как к литературе, не представляющей особой ценности, красноречиво выразил такой крупный исследователь японской культуры, как Иэнага Сабуро, хотя с его словами трудно согласиться: "В качестве образца *дзэнской* культуры прежде всего необходимо упомянуть литературу *годзан бунгаку* — пяти монастырей, но я не имею ни достаточных познаний, ни интереса говорить об искусстве, далеком от японцев. Она представляла собой не более, чем интеллектуальную игру, порожденную педантичной психологией *дзэнских* монахов, далекой от реальной жизни японцев. Более того, сама игра в слова и буквы означала отход от сущности учения *дзэн*, поэтому можно сказать, что расцвет литературы пяти монастырей в конечном итоге стал одним из свидетельств превращения *дзэнской* культуры в культуру светскую" (1, с. 126).

Подобное отношение к *годзан бунгаку* было, вероятно, воспринято от японских ученых и на Западе. В частности американский составитель и переводчик двухтомной антологии японской литературы на *камбуне* (40), намеренно избегал включать в нее произведения *годзан бунгаку*, отдав предпочтение более ранним и более поздним по времени сочинениям и объясняя это тем, что она представляется ему в целом "вызывающей разочарование, стереотипной и безличной" (40, vol. 1, p. 3).

Еще одна из причин слабой изученности *годзан бунгаку* заключается в том, что до недавнего времени многие из произведений ее авторов не были изданы (а некоторые не изданы и по сей день) и хранились в виде рукописей или ксилографов в монастырских библиотеках, а потому были малодоступны и неизвестны в научном мире. В начале века некоторые из них были изданы в таких многотомных собраниях, как "Дзоку гунсё руйдзю", "Дайнихон буккё дзэнсё" и "Тайсё синсю дайдокё". Первым специальным изданием текстов этого рода было четырехтомное собрание под редакцией Уэмура Канко (22), куда вошли многие из ранее не издававшихся текстов поэтических сборников.

Уэмура был пионером в изучении *годзан бунгаку*: ему принадлежат два первых исследования в этой области (21; 23), где впервые была сделана попытка проследить изменение характера *годзан бунгаку* и дать характеристики ее основным представителям.

Самые общие соображения по поводу специфики *годзан бунгаку* были высказаны в работах Сэгава Танэро "Годзан бунгаку кэнкю" ("Исследование литературы пяти монастырей", 1928) и Окада Масаюки "Нихон камбунгаку си" ("История японской литературы на камбуне", 1929).

Новый этап в изучении *годзан бунгаку* связан с именем Тамамура Такэдзи. В его исследовании "Годзан бунгаку: тайрику бунка сёкайся тоситэ-но годзан дзэнсо-но кацудо" ("Литература пяти монастырей: деятельность монахов годзан в качестве пропагандистов континентальной культуры", 1955) впервые был дан подробный исторический анализ с выделением основных периодов *годзан бунгаку*, рассмотрены основные литературные формы, дана оценка творчества основных представителей этой литературы. Если раньше исследователи ограничивались приведением образцов их произведений только в оригинале (на *камбуне*), Тамамура впервые начал приводить после текстов, цитируемых им в оригинале, также перевод на японский язык. В другой своей работе "Годзан си-со" ("Поэты-монахи пяти монастырей", 1978) после подробного очерка истории *годзан бунгаку* и биографий пяти крупнейших представителей (Гидо Сюсин, Дзэккай Тюсин, Тюган Энгэцу, Кокан Сирэн и Сэссон Юбай) Тамамура приводит образцы их сочинений в вольном переложении (приближающемся к парафразу) на современный язык и сопровождает их подробными комментариями. К сожалению подборка сделана неравномерно: львиная доля выпадает на Гидо Сюсина, а такой оригинальный поэт, как Тюган Энгэцу представлен только пятнадцатью стихотворениями. В 1978 г. Тамамура Такэдзи издал шеститомную антологию "Годзан бунгаку синсю" (Новое собрание произведений *годзан бунгаку*"), в которой полностью представлены многие сборники сочинений. Фактически все современные японские и западные исследователи при рассмотрении проблем, связанных с *годзан бунгаку*, неизбежно отталкиваются от той основы, которую заложил своими трудами Тамамура.

Удачная с литературной точки зрения подборка поэтических произведений *годзан бунгаку* сделана Ямагиси Токухэй в сборнике "Годзан бунгакусю, Эдо кансию" ("Собрание литературы пяти монастырей, Собрание поэзии на камбуне периода Эдо", 1966), изданном в популярной серии "Нихон котэн бунгаку тайкэй". Каждое из стихотворений тридцати авторов сопровождается переводом на японский язык, парафразом и подробными комментариями. В настоящее время это одно из немногих изданий, по которому рядовой японский читатель может оценить литературные достоинства поэзии *годзан бунгаку*.

Одним из самых основательных исследований в этой области является труд Канэки Хидэо "Годзан сиси-но кэнкю" (Исследование по истории поэзии пяти монастырей, 1978), где подробно анализируется это направление поэзии на *камбуне* и приводятся образцы творчества пятидесяти двух поэтов.

Помимо исследований общего характера, существуют труды японских авторов, посвященные жизни и творчеству отдельных представителей *годзан бунгаку*. Оставляя в стороне многочисленные статьи, посвященные узким проблемам, отмечу основные монографии, представляющие большое значение для изучения *годзан бунгаку*: Фукусима Сюньо "Кокан" (1944), Тамамура Такэдзи "Мусо-кокуси" (1957), Тэрада Тору "Гидо Сюсин, Дзэккай Тюсин" (1977), Янагида Сэйдзан "Мусо" (1978), Ирия Ёситака "Дзякусицу" (1978), Фурута Сёкин "Бассуй" (1978), Намимото Саваити "Дзякусицу Гэнко" (1983).

В западном японоведении до недавнего времени *годзан бунгаку* вообще оставалось вне поля зрения исследователей. Лед тронулся после появления первой публикации: Ury, Marian. Poems of the Five Mountains (Tokyo, 1977), позволившей получить хотя бы некоторое представление о поэзии *годзан бунгаку*. Эта публикация представляет собой переводы отдельных стихотворений

16 поэтов, которым предпослано более чем краткое предисловие. О каждом авторе сообщаются минимальные сведения, а некоторые стихотворения снабжены комментариями.

Уже более представительной была следующая публикация: Pollack, David. *Zen Poems of the Five Mountains* (New York, 1985). В ней представлены образцы поэзии 26 поэтов *годзан бунгаку*, причем они распределены не по авторам, а по темам, наиболее типичным для этой поэзии, например: "Медитация и повседневная деятельность", "Наставления и предостережения", "Отшельническая жизнь", "Природа", "Время и история", "Слава, удача и старость", "Болезни и смерть". В конце книги имеются биографические статьи обо всех этих авторах. В другой работе Поллака две главы посвящены специально таким представителям *годзан бунгаку*, как Кокан Сирэн, Мусо Сосэки и Гидо Сюсин (35, с. 111—157).

Недавно появилась еще более полная антология поэзии *годзан бунгаку*: Colas, Alain-Louis. *Poèmes du Zen des Cinq-Montagnes* (Paris, 1991). Она представляет собой полный перевод на французский язык всех 30 поэтов, включенных в издание Ямагиси Токухэй. Однако эта публикация не может считаться просто переводом работы Ямагиси, поскольку о каждом поэте имеется подробная статья, в которой рассказывается о его жизни и творчестве, а также дана характеристика особенностей его поэтической манеры. Особого внимания заслуживают подробнейшие комментарии, намного превосходящие те, что имелись в издании Ямагиси, а также объяснение содержания многих стихотворений через призму дзэнской традиции. К сожалению, вступительная статья предельно краткая и не позволяет составить общего представления о поэзии *годзан бунгаку*.

Хотя поэзия *годзан бунгаку* редко поднималась до вершин классической китайской поэзии и самими китайцами воспринималась как чистое подражание, значение ее для японской литературы трудно переоценить. В определенной степени литература *годзан*, лишившись своей элитарности, не исчезла бесследно — она "растворилась" в море японской культуры. После того, как она созрела и принесла плоды, *годзан бунгаку* дала толчок развитию новых, ранее не существовавших форм искусства и в определенной степени способствовала возрождению популярной в IX—X вв. в придворной среде традиции слагать стихи на *камбуне*, которая в эпоху Хэйан (XI—XII вв.) значительно ослабла. Уже в эпоху Токугава (1603—1867) традиция писать стихи на *камбуне* (*канси*) была заново осмыслена и успешно продолжена образованными учеными-конфуцианцами, которые в некоторой степени сами были порождением культуры "пяти монастырей".

* * *

Ниже предлагается перевод отдельных стихотворений наиболее значительных представителей *годзан бунгаку*. После каждого стихотворения в скобках указан источник, по которому делался перевод (см. Библиографию). Переводы сопровождаются только минимальными комментариями, необходимыми для понимания содержащихся в тексте реалий или аллюзий.

ТЭЦУАН ДОСЁ (1260—1331)

Родился в провинции Дэва. Подобно многим дзэнским поэтам, никогда в Ки: не был, но при этом великолепно знал китайскую поэтическую традицию. Долгое время был учеником китайского монаха Да-сю Чжэн-няня (1214—1289), прибывшего в Японию в 1269 г. Потом более тридцати лет странствовал по разным провинциям Японии, что бесспорно нашло отражение и в его поэзии. Хорошо разбирался в буддийской и светской литературе, обладал незаурядным поэтическим талантом и всюду встречал теплый прием. Его стихотворные произведения составили сборник "Донтэпусю", самый ранний из сохранившихся поэтических сборников *годзан бунгаку*.

Горная обитель

Эти пустынные горы не загрязняются пылью мирской.

В чистом звучании гонга исчезли различия

между добром и злом.

Весной воды стекают в ручей, кости ломают льду.

Осенью месяц всходит над крышей, движутся тени деревьев.

Лишь в последней курительнице тлеет "из благовоний печать".

Срифмовал черновик, получились строки в пять слов.

Горько-кислый вкус мира отринув, снова пресность обрел,

Которую знают лишь старый журавль и дикая обезьяна.

(27, с. 54)

Прим. "В чистом звучании гонга". — Имеется в виду каменный гонг перед изображением Будды, в который ударяли, оповещая о соответствующих монастырских действиях.

Журавли и обезьяны в поэтической традиции символизируют, простую, естественную и вольную жизнь в гармонии с природой, которая противопоставляется мирской суете.

ТЭНГАН ЭКО (1273—1335)

Родился в провинции Мусаси. В тринадцать лет стал послушником в храме Кэнтёдзи у китайского монаха У-сюэ Цзу-юаня (1226—1286), затем продолжал обучение у Кохо Кэннити (1241—1316), где приобщился и к литературным занятиям. В 1321 г. отправился в Китай, где посетил самые знаменитые монастыри и встречался с известными китайскими чапскими наставниками того времени. В сфере поэзии особенно сильное влияние на него оказал Гу-линь Цин-мао (1262—1329). Через три года он вернулся на родину. Тэнган был весьма плодовитым автором, но из его сочинений сохранился только сборник стихотворений "Токи-сю" ("Возвращение на восток").

Прохожу мимо террасы Янь Лина

Часты в ханьских покоях падения и взлеты.

Поджидают отважных героев и почести и клевета.

Все таланты не стоят даже зерна горчичного.

Для нас небо с землею — лишь постоянный двор.

Памятники культуры Востока

Трудно уйти от мира, следов нигде не оставив;
Лучше ловить уж рыбу, чем "славу ловить".
Месяц крючком рыболовным висит над террасой:
Освещать жилище Цзы-лина только ему суждено.

(27, с. 58—59)

Прим. "Терраса Лина" находилась в пров. Чжэцзян в горах Футунь, к югу от современного Ханчжоу. Янь Цзылин был другом детства будущего императора династии Хань — Гуана У-ди, который вступил на трон в 25 г. н. э. Император хотел приблизить своего старого друга к двору, но тот предпочел вольную жизнь отшельника, где беззаботно предавался рыбной ловле. В конечном счете, его слава в веках оказалась прочнее, чем слава тех, кто служил при дворе и становился жертвой интриг и заговоров. Терраса, с которой он удил рыбу, и по прошествии многих веков носит его имя, являлась зримым символом его немеркнувшей славы.

Монастырь Гоцинсы

Разрушены святыни гор Тяньтай,
В жалком запустении Гоцинсы.
Куда подевались Люй Цю и Фэн-гань?
Не встречал я Хань-шаня с Ши-дэ.
Два потока в ущелье журчат,
Ключья облаков у вершины Пяти Гор.
Чань и прочие учения воюют, как Мань и Ду.
Неужели совсем исчезли "святые следы"?

(27, с. 57—58)

Прим. В этом стихотворении описывается общая ситуация упадка буддизма в Китае, но она несет на себе и чисто японские ассоциации.

Горы Тяньтай (букв. "Небесная Терраса") с 6 века являлись крупнейшим центром китайского буддизма и местом паломничества.

Монастырь Гоцинсы находился на горе Тяньтай и был построен через год после смерти Чжи И (538—597), основателя школы Тяньтай (яп. *тэндай*). С этим монастырем связаны имена известного поэта Хань-шаня (букв. "Холодная Гора") и его приятеля Ши-дэ (букв. "Найдевший"), живших в начале 8 века. Фэн-гань, считавшийся их учителем, проживал в Гоцинсы. Хань-шань, который проживал обычно на Холодной Горе, часто навещал своих друзей в Гоцинсы. Все они из-за своего неординарного поведения снискали себе славу эксцентричных безумцев. В дзэнской живописи часто встречаются изображения Хань-шаня и Ши-дэ, или "четырех спящих" (трех друзей и гитра). Люй Цю был наместником Тайчжоу, а впоследствии стал учеником Фэн-ганя. Точное время их жизни неизвестно.

"Чань и прочие учения". — Указание на разногласия между школой *чань*, не признававшей авторитета буддийских сутр, и "прочими учениями" (яп. *кэ*; кит. *цзяо*), в первую очередь школами Тяньтай и Хуаянь (яп. *кэгон*), придававшими большое значение изучению канонических буддийских сочинений.

"Мань и Ду". — Намек на притчу из "Чжуан-цзы" (гл. Цзэ ян): "На левом рогу улитки находилась страна Ду, а на правом рогу — страна Мань. Они постоянно воевали за территорию. Число погибших составило десятки тысяч".

КОКАН СИРЭН (1278—1316)

Родился в Киото. В 1285 г. его отдали в дзэнский монастырь, где он учился у Тодзана Тансё, обнаружив с ранних лет интерес к литературе и науке. После 1293 г. жил в разных монастырях Киото и Камакура. В 1314 г. Кокан построил в Киото обитель Сайхоку-ан, где жил, занимаясь литературной, научной и комментаторской деятельностью. Помимо *дзэн*, Кокан хорошо знал учения других буддийских школ, в том числе *миккё*, а также конфуцианство, даосизм и классическую китайскую литературу. Является автором многочисленных сочинений по различным доктринальным аспектам буддизма, а также первой в Японии сводной истории буддизма "Гэнко сякусё" в 30 свитках, которую преподнес императору. Рассказывают, что Кокан написал этот труд, потому что ему стало стыдно, что он не мог ответить на вопросы по истории японского буддизма, которые задавал ему прибывший в Японию китайский наставник И-шань И-нин (1248—1317). Его кисти принадлежат такие сочинения, как "Бузуго синрон" — комментарий на "Ланкаватара-сутру"; "Бёги-рон" ("Трактат о смысле болезней"), где он пытался объяснить причины заболеваний с позиций буддийской философии; "Сюмон дзюсё-рон", где доказывается превосходство *дзэн* над прочими буддийскими школами; словарь китайских поэтических рифм, который должен был служить пособием для монахов, желающих попробовать свои силы в сочинении стихов на *камбуне*, и который считался образцовым вплоть до 18 в.; "Дзэнги гэмонсю" — сборник образцов параллельной прозы *сирокубун*, и многие другие. В 1326 г. Кокан перебрался в Сайсёдзи, а после 1332 г. жил в Тофукудзи и Нандзэндзи.

Его поэтические и прозаические произведения включены в сборник "Сайхоку-сю" в 20 свитках. В поэзии Кокана преобладают буддийские и дзэнские мотивы, но немало и стихотворений, в которых он смог ярко передать свои душевные переживания, поведать о своих чувствах, демонстрируя при этом прекрасное знание китайской классической литературы. По художественным достоинствам и выразительности его поэзия стоит намного выше уровня большинства его современников. Образцом для подражания он считал в прозе Хань Юя, а в поэзии — Ли Бо и Ду Фу. Сотни его стихотворений посвящены конкретным, незначительным, повседневным предметам и явлениям, которые представляют своеобразные попытки через пристальное наблюдение постичь присущий этим вещам принцип *ли* (яп. *ри*), имманентную сущность всего сущего, как этот принцип понимался неоконфуцианцами. Кокан одним из первых в Японии выступил как сторонник единства *дзэн* и неоконфуцианства.

Любуюсь весной

Теплый ветер, долгий день: все возвращается к жизни.
Одиноко взирая на эти красоты, стыжусь своей старости.
Река не касается неба, но одинаковы их зелень и лазурь.
За цветами не различить деревьев: только алое и лиловое.
Прогулочные повозки и всадники мчатся наперегонки.
Порхающие ласточки и соловьи веселятся вовсю.
Но всего мне милей далекое село в тумане,
Где за туманной дымкой скрыты сотни ивовых стволов.

Ива

Лопнули мускусные мешочки у слив, персики красными стали.
Все стараются соблазнить своим видом госпожу Весну.
И вдруг вижу — появилась: ни цветов, ни аромата —
Развеваются на ветру ее длинные ветви.

(27, с. 66)

Прим. Стихотворение является явной аллюзией на стихотворение цзиньского поэта Ван Цзи (ум. в 644 г.) "Беседа весной с коричневым деревом":

Я спросил у коричневого дерева весной:
"У персиков и слив есть аромат и цветы,
Почему же со сменой времен года
Только у тебя нет цветов?"
Отвечало мне коричневое дерево:
"Долго ли сохраняются весенние цветы?
Ветер с виеем погубят их, они опадут.
Ты же знаешь, только я всегда остаюсь красивым".

Рассвет

Иней. Заиндевелый колокол. Пятая стража.
Светает, но еще не совсем светло.
За домом на тутах и вязах
Птицы проснулись — некоторые поют.

(27, с. 66)

Комар

Жало острое, как клюв, на шило похоже.
Голос его — раскаты грома; кружит по спальне.
Как только проникнет через шелковый полог,
На спине железного быка гниение начнется.

(27, с. 67)

Прим. "Железные быки" (*тэцзугю*; кит. *те ню*), согласно традиции, были установлены на берегах Желтой Реки императором Юй-ваном, первым правителем династии Ся, якобы для того, чтобы предотвращать наводнения. В буддийской традиции они выступают как символы несокрушимости, неколебимого постоянства.

Вечерняя прогулка

Двор. Длинные тени деревьев. Ветра резкие порывы.
Зеленая осока. Медленно ступаю. Лучи закатного солнца.
Возвращается ворон. Спешит до леса добраться.
Солнце застряло в Западных горах.
Вскипают разноцветные облака.

(27, с. 66—67)

БЭЦУГЭН ЭНСИ (1283—1364)

Бэцугэн родился в провинции Этидзэн. Унаследовал традицию Сото-дзэн у приехавшего в Японию китайского наставника Дун-мин Хуй-жи (1271—1340). В 1320 г. Бэцугэн отправился в Китай, где в течение 10 лет учился у многих известных чаньских наставников, в том числе у Чжун-фэн Мин-бэня и Гу-линь Цин-мао (1262—1329); Гу-линь отзывался о Бэцугэне с огромным уважением, и в 1325 г. вручил ему "печать просветления" (*инка*). Тем не менее, поэзия Бэцугэна этого периода, особенно стихи, обращенные к японским монахам, изобилует грустными мотивами и непрерывными сетованиями на тяготы жизни, что объясняется прежде всего ностальгией.

По возвращении на родину Бэцугэн более 20 лет жил в провинциальных храмах вдали от столицы, и даже отказался от предложения стать настоятелем крупного монастыря Нандзэндзи в Киото. Возможно, это объяснялось тем, что он принадлежал к линии Сото-дзэн, а в то время, все крупные монастыри *годзан* принадлежали к линии Риндзай-дзэн. Однако в последний год жизни он все же принял предложение сёгуна и стал во главе монастыря Кэнниндзи в Киото. Бэцугэн является автором поэтических сборников "Нанью-сю" ("Путешествие на юг") и "Токи-сю" ("Возвращение на восток").

Стихи по случаю

Дождь перестал, в пруду распустились белые лотосы.
Нарвал их росистых, поставил в медную вазу.
Веет прохладный ветер; лежу у северного окна.
Сквозь дрему слышу стрекот цикад с полуденных деревьев.

(27, с. 80)

Прим. "Медная ваза" — специальная ритуальная ваза, которая устанавливалась перед изображением Будды.

Сидячая медитация

Горная келья; весь день льет дождь; темным-темно.
Сливы плоды пожелтели, но все же еще зелены.
На одиноком сиденье, как всегда, погружен в созерцанье.
Мне нет дела до птиц и цветов, налетевших к воротам храма.

(27, с. 82)

Прим. Занятия сидячей медитацией (*дзадзэн*) проводились на специальных очень низких скамеечках или на небольшом возвышении.

Сижу ночью

Небом человеку отмерен срок жизни еще до рождения:
Нищета и богатство, паденья и взлеты не бывают случайными.
Я считаю по пальцам: дням и месяцам счет веду,
Вспоминаю о странствиях средь потоков и рек.
На весеннем ветру "седина на три тысячи чжанов";
Под ночным дождем светильник горит уже пятьдесят лет.
Прислонился к стене: думы о давнем и близком.
Одиноко кричит первый гусь, пролетая в небе осеннем.

(27, с. 84)

Прим. "Седина на три тысячи чжанов" — прямая цитата из известного стихотворения китайского поэта Ли Бо:

Белые волосы — на три тысячи чжанов.
Мои волосы так отросли из-за печали.
И все же, глядя на отражение в зеркале, не понимаю,
Откуда взялся этот осенний иней?

МУСО СОСЭКИ (1275—1351)

Мусо родился в провинции Исэ в знатном роду, который был родственными узами связан с императором Уда; при этом он был дальним родственником и правящего сёгунского рода Асикага. Вначале прошел обучение в монастырях школ Тэндай и Сингон, отголоски которых присутствуют в его учении, но в девятнадцатилетнем возрасте обратился к дзэн.

Обучение у китайского наставника И-шань И-нина не принесло желанных результатов, и Мусо не смог получить от него "печать просветления" (*инка*). Только в 1305 г. он достиг просветления после обучения у Кохо Кэннити, чей стиль оказался ему намного ближе, чем суровый стиль И-шаня. После этого с 1318 г. Мусо жил в разных монастырях системы *годзан*, но вскоре оказался вовлеченным в разные политические интриги, и ему приходилось прилагать немало усилий и изобретательности, чтобы успешно из них выпутываться. Он занимал должности настоятеля в монастырях Нандзэндзи в Киото и Эн-гакудзи в Камакура, но при первой же возможности стремился снять с себя полномочия, чтобы удалиться в какую-нибудь тихую обитель. Однако, к его огромному разочарованию, вскоре там появлялись многочисленные ученики, требовавшие от него наставлений. Наконец в 1339 г. по приглашению сёгуна Мусо основал к западу от Киото монастырь Тэврюдзи. Именно там он принимал участие в поэтических собраниях, на которых славились *вака*, и Мусо в мягкой манере обучал принципам дзэн императора Годайго и сёгуна Асикага Такаудзи. Эти наставления в форме ответов на вопросы представлены в его трактате "Мутю мондо" ("Беседы во сне"), где в простой доходчивой форме объясняются многие сложные вопросы дзэнской философии и практики. Мусо считался одним из самых знаменитых дзэнских наставников своего времени.

Экспромт, сочиненный в дороге

У бродяги всю жизнь нет никакого имущества:
Облака в горах и луна в ручье — все его достояние.

Пойти ли на запад, или на восток — ему все едино.
При этом он всегда в пути, но в то же время и дома.

(28, с. 131)

Прим. В последней строке содержится намек на слова в "Линь-цзи лу": "Одни люди пребывая в пути, не покидают дома; другие же, удаляясь от дома, не пребывают в пути".

Вступление Будды на путь

Шесть лет сидел неподвижно, как змея в тесной трубке.
Лед и снег постепенно стали домом родным.
Вчера вечером вдруг увидел, как пустота разорвалась,
И очнулся от яркой звезды, упавшей в его очи.

(28, с. 133)

Прим. Согласно традиции, Будда Шакьямуни достиг просветления после шестимесячной аскезы в горах в тот самый момент, когда на небе появилась первая звезда.

Стихи о сухом пейзаже

Громоздятся вершины — на них и пылинка не сядет.
Текут ручьи и потоки, но нет в них и капли воды.
Лишь иногда, когда в небе ночном ветер гонит луну,
Этот человек может себе позволить эти забавы.

(28, с. 145)

Прим. В XIV веке при дзэнских храмах стали популярными декоративные пейзажные сады, в том числе и "сухие", где песок символизировал собой воду. Сам Мусо был выдающимся мастером по разбивке декоративных садов.

Экспромт, сочиненный в одиночестве

Долгие годы рыл землю, чтобы обрести голубое небо,
И этим себе создавал все больше преград.
Но кусок черепицы однажды в темноту я бросил,
И без особых усилий кость сломал пустоте.

(28, с. 161)

Прим. В этом стихотворении передается состояние "пробуждения" (*сатори*).

СЭССОН ЮБАЙ (1289—1346)

Сэссон родился в провинции Этиго в семье самурая низкого ранга. Был учеником прибывшего из Китая дзэнского монаха И-шань И-нина и пользовался его необычайным благорасположением. В 1306 г. Сэссон отправился в Китай, где прошел обучение у многих известных чаньских наставников. Его китайский язык был настолько безупречным, что все принимали его за настоящего китайца. Монгольские правители династии Юань

время от времени вспоминали об унижении, некогда нанесенном японцами Хубилаю, и принимали репрессивные меры против японских монахов, обучавшихся в Китае. По ложному обвинению в шпионаже Сэссона бросили в тюрьму и приговорили к смертной казни. От казни его спасли только четыре стихотворения, начинавшиеся строками из гатхи У-сюэ Цзу-юаня, сочиненной при похожих обстоятельствах (см. ниже). Вскоре его освободили из тюрьмы, но в 1317 г. сослали в провинцию Сычуань, где он провел 10 лет, занимаясь изучением китайских конфуцианских классиков и читая "Чжуан-цзы", к которому испытывал огромный интерес с юных лет. Только в 1329 г. в связи с амнистией по случаю восшествия на престол нового императора Жэнь-цзуна, ему разрешили вернуться в столицу Китая — Чанъань, и даже назначили настоятелем крупного храма, что было беспрецедентным случаем. Только через год ему удалось вернуться на родину, где Сэссон занимал высокие посты в крупнейших храмах. Из поэтических произведений Сэссона сохранился только сборник "Мингасю" (или "Бингасю") — "Собрание с гор Омэй и Мин", куда включены произведения, которые были написаны им во время длительной ссылки в Сычуани. Этим и определяется меланхолический, ностальгический характер большинства его стихотворений. Говорят, что после возвращения Сэссона на родину, никто не видел его улыбающимся.

Осенней ночью думаю о друге

Сам я родом с юго-востока,
И гостя жду с юго-востока.
До чего же прекрасна эта ночь,
Но грустно мне в переулке.
Тонут в росе хризантемы,
Поет ветер, шевеля листья.
Шепчу стихи, а ты не приходишь,
Лишь полная луна висит в чистом небе.

(27, с. 75)

Прим. Это ностальгическое стихотворение было написано поэтом в Китае. Под "юго-востоком" имеется в виду Япония, хотя это и не соответствует точной географической ориентации.

Во второй год эры Хуан-цин (1313 г.) в седьмой день второй луны, находясь в тюрьме в Чжачуани, вспомнил, как У-сюэ встретил монгольских воинов гатхой. Поэтому я решил выразить свои чувства, начав каждое стихотворение строкой из его гатхи и на его рифмы

I

Во всем мире не найдется места для моего одинокого посоха.
Где смогу скрыться так, чтобы не оставить следов?
В полночь деревянный человек седлает каменного коня,
Чтобы сокрушить сотни и тысячи стен железной ограда.

II

Меня радует, что люди — пусты, и что дхармы — пусты.
Великая тысяча миров уместается в одной корзине.
Я забыл о грехах, уничтожил мысли, достиг третьей дхьяны.
А кто там утверждает, что Девадатта пребывает в аду?

Прим. Согласно буддийской космологии, бесконечная вселенная (три тысячи миров) включает в себя три категории миров: мир желаний, мир форм и мир бесформенного. В мире форм (*рупадхату*) различали четыре неба *дхьяны*. Считалось, что родившиеся в сфере третьего неба *дхьяны* обладают огромным ростом и живут необычайно долго.

Девадатта вначале был учеником Будды Шакьямуни, но за совершенные им тяжкие преступления попал в ад, хотя впоследствии стал буддой по имени Тэнно-нэрай, о чем говорится в "Сутре Лотоса".

III

Почтительно склоняюсь пред длинным монгольским мечом.
Искры холодного инея рассыпаются на тысячи верст.
Высохнет череп, но вновь раскроются его очи.
Нет изъянов у белой яшмы: цена ей — пятнадцать городов.

Прим. В последней строке содержится аллюзия на историю в "Ши цзи": где сообщается, что циньский Чжао-ван предлагал правителю Чжао пятнадцать пограничных городов в обмен на совершенно безупречную драгоценность из яшмы.

IV

Блеском молнии во мраке рассекает он весенний ветер.
Струится на землю алая кровь Бога Пустоты.
Мне страшно стоять на вершине горы Сумеру:
Сожмусь в комок и скроюсь в лотосовом стебле.

(19, с. 439, 390—392)

Прим. Бог Пустоты (санскр. *Шуньятадева*), лишенный конкретного обличия, упоминается в "Шурамгама-сутре" (гл. 3).

Беспорядочные рифмы
(стихотворение первое)

Не радуют меня чужие похвалы.
Не боюсь я и чужих оскорблений.
Только слабы мои связи с миром:
Сердце пресное, словно вода.
Наконец тело освободилось от пут.
Три года провел в Чаньани.

Когда в настроении, слагаю стихи:
Высказываюсь напрямик, не допускаю прикрас.

(27, с. 73—74)

Прим. "Сердце пресное, словно вода". — У Чжуан-цзы говорится: "Благородный муж в своих отношениях пресен, словно вода".

Трава забвения

Когда дует весенний ветер в моей водоносной стране,
На чьем дворе и участке не появится трава забвения?
Но и здесь вдалеке не проходит и дня, чтобы забыл о печалях:
Свисают белые волосы, одиноко стою у ворот дома.

(27, с. 76)

Прим. "Трава забвения" (*васурэгуса*). — В Китае существовал обычай сажать эту траву во дворе родительского дома. Поэтому основная тема этого стихотворения — тоска по родным местам.

ДЗЯКУСИЦУ ГЭНКО (1290—1367)

Дзякусицу родился в провинции Мимасака, и принадлежал к знатному роду Фудзи-вара. В 1302 г. стал монахом, жил в разных монастырях Киото и Камакура. В 1317—1319 г. обучался у китайского наставника И-шань И-нина. В 1320 г. отправился в Китай, где стал учеником знаменитого наставника Чжун-фэн Мин-бэня. В 1326 г. вернулся на родину и основал в провинции Бинго храм Эйэнвдзи. Дзякусицу неоднократно отказывался от официальных предложений стать во главе крупного монастыря, предпочитая скромную жизнь отшельника. Сообщается, что на склоне лет у него было более двух тысяч учеников.

Для его поэзии типично восхваление вольной жизни на лоне природы и радостей отшельнической жизни.

Весенним днем брожу в горах

Серебряными нитями редкие волосы вьются.
Не знаю: удастся ли дожить до следующей весны?
Бамбуковый посох, сандалии из соломы... Как хорошо вокруг!
Смотрю на ветви деревьев — густо усыпаны цветами сакуры.

(27, с. 78)

Наставляю монахов

(стихотворение второе)

Обучение дзэн — дело для достойных мужей!
Тело и дух становятся прочными, как железо.

Вспомните! Среди патриархов былых времен
Был ли такой, чтобы мог веселиться бездумно?

(7, с. 122)

Пишу на стене храма Киндзосан

I

Почти целый год живу в этой тихой келье.
Облака на вершинах, луна в реке — мой "сухой дзэн";
Завтра утром спущусь на тропу под скалой,
Но как узнаю, на каких камнях мне предстоит спать?

Прим. "Сухой дзэн" — практика аскетического самоотречения, целью которой является доведение тела и сознания до состояния, подобного "холодному пеплу и сухому дереву".

II

Ветер кольшет струи водопадов, слышны холодные звуки.
Над горами висит луна, свет из окна падает на бамбук.
В старости особо оценил прелести жизни в горах.
Если умру у подножия скал, мои кости будут чисты.

(7, с. 52—53)

День нирваны Будды

Сегодня день нирваны наставника "трех миров".
И люди, и небожители охвачены глубокой печалью.
Во вторую луну цветы в горах и у рек — как полотно,
А мне казалось, что ветер осенний шуршит листьями кленов.

(7, с. 70)

Прим. Пятнадцатый день второй луны считается днем вступления будды Шакьямуни в нирвану.

Картина "Будда, спускающийся с гор"

I

Воистину: это же человек струится, словно горный поток!
Неудивительно, что облака возвращаются к родным горам.

Исхудал за шесть лет аскезы — даже кости стали видны.
Нет, сейчас он совсем иной, чем когда-то был.

II

Лизал лед, грыз кору — чего он этим добился?
Плоть свою поборол, стал худым словно щепка.
Тремястами проповедями в течение сорока девяти лет
Дурачил безумцев, во сне говоря им о сне.

III

Неподвижно сидел на Снежной Горе —
Чего он смог этим добиться?
Был приход его бесполезным,
Несчастьем для людей и богов.
Две тысячи лет никто его не замечал,
Лишь сегодня, с ним повстречавшись, я его понял.

(7, с. 205—207)

Прим. Поводом для этого цикла стала картина, на которой изображен Шакьямуни, спускающийся с горной вершины после шестилетней аскезы. Во всех трех стихотворениях подчеркивается изможденный облик Будды. В последней строке второго стихотворения содержится намек на поговорку: "Перед безумцем невозможно рассуждать о сне".

Последнее стихотворение необычно по форме: это шестистишие, в котором первые четыре строки имеют по четыре иероглифа, а две последние — по семь. Такую же структуру имеют и три нижеследующих стихотворения.

Будда Амида

I

Если отбросить все "пыльные мысли"
И чистому зеркалу стать подобным,
Трое святых Блаженного Края
В тот же миг пред тобою предстанут.
А если искренне в сторону запада взор обращать,
Вряд ли узрете пруд цветочный и прелесть деревьев.

II

Сноп червонно-золотого света
И блеск сияния милосердия
В искреннем заблуждении

Памятники культуры Востока

Люди ищут вовне себя.
А в тот миг, как отрините эти вздорные мысли,
Осознаете: Нет на западе райского края.

(7, с. 207—09)

Прим. В этих стихотворениях выражается критическое отношение к идее возможности достижения спасения в Западном Раю Будды Амида. Его возможно обрести только в собственном сознании. Согласно амидаистским представлениям, которые во времена Дзякусицу получили широкое распространение и в дзэнской среде, истинно верующих ожидает в Западном Раю будда Амида в сопровождении бодхисаттв Каннон и Сэйси (все вместе они именуются "Тремя святыми Блаженного Края").

Великий учитель Мондзю

На восточной окраине Града Прозренья
Тщетно пытался отроков увещевать.
Потом, отчаявшись, вскочил на льва,
И оседлал его словно коня.
И только обладая мудростью, мечу подобной,
Решился стать наставником у семи будд.

(7, с. 209—10)

Прим. В "Сутре Лотоса" говорится, что бодхисаттва М о н д з ю (санскр. Манджушри) прочел перед пятьюстами отроками проповедь у восточного края Города Богатств. В стихотворении Дзякусицу этот город называется Градом Прозренья. Обычно Мондзю, считавшийся воплощением мудрости, изображался верхом на золотом льве. В буддийской традиции он считался наставником семи будд прошлого, предшествовавших появлению в этом мире будды Шакьямуни.

Хань-шань

I

Дом его на горе Утай, но вернуться туда не может:
Много лет прошло с тех пор, как забыл он эту дорогу.
Вот и стоит с кистью в руке перед Холодной Скалой.
Видно, обдумывает строки нерифмованных стихов.

II

Хотя он утверждал: "Мое сердце подобно осенней луне",
Откуда он мог это знать — темным-темно в его брюхе.

Нельзя поклоняться Будде, занимаясь мирскими делами.
Лучше вернись на Тайшань и запри за собой калитку.

(7, с. 211—12)

Прим. Знаменитый чаньский монах Хань-шань жил в VIII в. в Китае на горе Ушань в провинции Шанси. Он снискал славу своим необычным поведением. В стихах Дзякусицу содержится многочисленных аллюзии на стихотворения Хань-шаня, чье имя буквально означает "Холодная Гора". В первой строке в точности воспроизведены слова из одного его стихотворения. Тайшань — это горы Тяньтай. (См. комм. к стихотворению Тэнгана Эко "Храм Гоцинсы").

В зеркале дзэнского наставника Дайкаку появляется лик Каннон

Говорят, что это Дайкаку, но ведь это совсем не так.
Другие, упорствуя в заблуждении, утверждают, что это Эндзу.
Если кто пожелает узреть двух наставников истинный лик,
Пусть обратится к Дун-пину и в разбитое зеркало взглянет.

(7, с. 214)

Прим. Дайкаку Эндзу — посмертный титул китайского наставника Лан-ци Дао-луна (1213—1278), прибывшего в Японию и основавшего там школу Дайкаку-ха, к которой принадлежал и Дзякусицу. В буддийской истории "Гэнко сякусё" (гл. 6) Кокан Сирэна приводится легенда о том, что в оставшемся после кончины Дайкаку зеркале ученики могли видеть его изображение, и считали, что им являет свой лик милосердная бодхисаттва Каннон. Эндзу — одно из имен Каннон.

В последней строке содержится аллюзия на эпизод в жизни чаньского наставника Дун-пин Янь-шаня. Взяв в руку зеркало, полученное от учителя Гуй-шаня, он спросил монахов общины: "Это зеркало Гуй-шаня или зеркало Дун-пина?" Поскольку никто не мог ответить, он разбил зеркало. ("Цзин-дэ чуань дэн лу", гл. 11).

РЮСЭН РЭЙСАЙ (ум. в 1365 г.)

Рюсэн Рэйсай (некоторые читают его имя как "Рёдзуй") был незаконнорожденным сыном императора Годайго (пр. 1318—38), попытка которого восстановить императорское правление и взять всю власть в свои руки привела к временному расколу на Северную и Южную династии (1333—1392). Поскольку Рюсэн знал о своем происхождении, в его поэзии часто присутствуют симпатии к Южной династии.

Рюсэн с ранних лет был любимым учеником Кокан Сирэна, и сопровождал его в странствиях по стране. После смерти последнего он стал во главе основанного Коканом монастыря Тофукудзи и добился признания буддийской истории "Гэнко сякусё", составленной его учителем Коканом, включения ее в свод буддийских текстов. Его стихотворения составили сборник "Сэдзансю" ("Сборник Соснового Холма").

Чувства в дороге

Вспоминаю, как раньше ко мне приходили друзья.
Многих земля поглотила, лишь я одиноко дряхлею.

На камнях, в тени деревьев, останется то, что любил.
Кто же из учеников обо мне вспомнит с грустью?

(27, с. 70—71)

Скорблю о покойной матери

Хочу распутать спутанную пряжу — ничего не выходит.
Сколько мог бы прочесть по ее лицу.
С тутов опали последние листья; воет холодный ветер.
Сколько раз уже грустил в лучах закатного солнца.

(27, с. 68)

Прим. "С тутов опали последние листья": выражение "безлистные туты" (кус) является метафорическим обозначением матери. Оно связано с легендой о матери И Иня, которая превратилась в тутовое дерево ("Люй-ши чунь-цю, св. 14, гл. "Бянь вэй").

СИДЗАН МЁДЗАЙ (1295—1377)

Родился в провинции Синано. После принятия монашества стал учеником знаменитого Буккоку-кокуси. Некоторое время учился в Китае. По возвращении на родину (в 1345 г.) стал настоятелем храма Сайходзи; потом — крупного монастыря Тэнрюдзи. Является автором поэтического сборника "Дзякубокусю".

Другу, возвращающемуся на родину

Когда расставались с тобой у Моста Двух Долин,
Ветер трепал рукава — на запад и на восток.
И осенним утром, вернувшись в горную хижину,
Вспоминаю обезьяньи крики под холодной луной.

(27, с. 85)

Прим. Прощание поэта с другом, возвращающимся в Японию, происходило в монастыре Гоцинсы на горе Тяньтай, где имеется знаменитый каменный мост в месте соединения двух речных долин.

Слушаю дождь

Не пойму, что за звук доносится из-за ворот?
Проникая в мою пустоту, очищает он зеркало сердца.

Тысяча лет прошла, но звук остается прежним.
Падают капли с карниза... Уже третья стража...

(27, с. 85)

Прим. В третьей строке содержится намек на слова в стихотворении из китайской классической "Книги песен" (Ши цзин): "Дождь не знает справедливости", сочиненного женой Юй-вана: "Дождь не знает справедливости: // Он разлучает жену с ее Юй-ваном" (раздел "Мелодии Нань-шань").

Хижина городского отшельника

Среди шума и суеты один я наслаждаюсь покоем.
Мирские радости мне ни к чему; согнутый локоть — подушка.
Калитка купается в лучах заката: весенняя благодать.
Даже цветы и птицы не решаются тревожить меня.

(27, с. 86)

Прим. В стихотворении воспевается идеал "великого отшельничества" среди городской суеты, которое в дзэнской традиции ценилось выше, чем "малое отшельничество" — на горных кручах.

ТЮГАН ЭНГЭЦУ (1300—1375)

Тюган был одним из наиболее ярких и оригинальных поэтов *годзан бунгаку*. Он родился в Камакура в семье самурая низкого ранга. В восьмилетнем возрасте его отдали на воспитание в дзэнский монастырь, где он стал учеником китайского наставника Дун-мина Хуй-жи, к которому сохранял теплые чувства до конца своих дней. В 1324 г. Тюган отправился в Китай, где провел восемь лет. За это время он прекрасно овладел китайским языком, причем не только письменным, но и разговорным. Жизнь Тюгана складывалась неудачно: основная причина заключалась в том, что его собратья по школе обвиняли его в отступлении от идеалов их наставника Дун-мина ради другого направления, поскольку в Китае Тюган следовал традиции Хун-чжи (принадлежавшего к другой школе — *сото*). Тюган был недоволен наблюдавшимся в монастырях *годзан* "обмирщением", забвением аскетических заветов первых наставников *дзэн*. Он стремился к поискам истины не только у дзэнских наставников самых разных направлений, но и обращался к небуддийским, конфуцианским сочинениям, пытаясь совместить их с *дзэн*. Поэтические сочинения Тюгана представлены в сборнике "Токай итисю" ("Пузырек воздуха в Восточном море"). В его поэтических произведениях, как ни у кого другого из его современников, заметен ярко выраженный индивидуализм. Он сумел передать в поэтических строках свои личные горести и переживания, печальные думы, а не только воспроизводить заимствованные из китайской классической традиции образы и мотивы.

Послание Хакусэки Кайдзюну

Вот я уже из Китая прибыл,
А ты еще только туда собрался.
Повстречались к западу от Кёки,
Вместе слушали шум тысячи сосен.
И мне казалось — это огромный кит

Борется с волнами бурного моря.
Долго гостил я в чужом краю,
Истосковалось по братьям сердце.
И вот наконец — приятная встреча:
Я видел: тебе она радостна тоже.
Помнишь, как в келье вели беседу,
Чистый ветер трепал листы фолиантов...
Осторожно спросил о родимых местах,
А ты лишь на горы махнул рукою.
Наверно, друзья обо мне забыли,
И все ныне вокруг иное, чем прежде.
Одна лишь радость — учителя встретить,
который средь туч свою "жизнь питает".
До этого с кем бы судьба не сводила,
Слышал о доме лишь грустные речи,
Но вот теперь повстречался с тобою,
И сразу исчез зуд долголетний.
Но уже вечереет — пора на корабль:
Тоскливо на сердце в минуту прощанья.
А, впрочем, прощанье всегда грустно,
Но в странствиях тоже есть своя прелесть.

(19, с. 427, 303—05)

Прим. Это стихотворение было написано в 1332 г., когда по пути из Китая Тюган прибыл в порт Хаката на острове Кюсю, где повстречал Хакусэки Кайдзюна, который, как и он сам, тоже был учеником Дун-мина Хуй-жи. Стихотворение написано в "старом стиле" (*гу ши*), образцы которого редко встречаются у поэтов *годзан бунгаку*.

Выражение "среди туч свою жизнь питает" является отражением даосских увлечений Тюгана. Он имеет в виду своего учителя Дун-мина, проживавшего в обители "Белого Облака" (Хакуундо). Считалось, что даосский метод "питания жизни" (кит. *ян шэн*) позволял достичь долголетия и бессмертия.

Посылаю Бэцугэну, когда по возвращении на родину остановился в Хаката (два стихотворения)

I

Вспоминаю, как бродили когда-то среди рек и озер,
Но теченьем морским принесло нас назад на восток.
То одно, то другое — беспредельностью полнятся чувства,
Но все сущее, знай, в беспредельном заключено!

Прим. Бэцугэн Энси (1283—1364) также принадлежал к традиции Дун-мина Хуй-жи и был одним из немногих представителей этой школы, с которыми Тюган поддерживал дружеские отношения на протяжении всей жизни.

II

В Зале Белого Облака — наш белоглавый наставник.
Среди внимающих в зале у кого есть белые брови?
Братья, когда вы друг с другом беседы ведете,
Не забудьте мальчишку, который просил у вас каши.

(19, с. 429, 322—24)

Прим. "У кого есть белые брови". — Аллюзия на слова в биографии Ма Ляна в "Описании области Шу" ("Шу чжи"), где говорится, что из пяти братьев он был самым выдающимся и только у него в бровях имелись белые волоски — признак особой одаренности.

Вспоминаю о былых днях в Цзиньлине

Лучшие люди уходят, а земля еще не истерлась.
Исчезли бесследно "шесть династий", но остались горы и реки.
Среди развалин древних дворцов обитают торговцы и рыбаки.
Доносятся звуки из яшмовой рощи,
но это — дровосеки и пастухи.
Тучами заполнилось ущелье, грозят излиться дождем.
Ветер над Цзяном притих, но высоко вздымаются волны.
Те красотки былых времен — где же они теперь?
Много дум, много грусти у гостя в этих краях.

(27, с. 88—89)

Прим. В Китае в V—VI вв. в период "Шести династий" ("Лю чао") Цзиньлин был процветающей столицей и тогда именовался Цзянье. В данном случае под Цзиньлином Тюган имеет в виду увиденную им после долгого отсутствия столицу Японии Камакура, разрушенную и разграбленную в ходе междоусобных войн.

Экспромт "грущу о прошлом"

Уже год прошел, как погибла Камакура.
Куда подевались ее красоты и храмы?
Торговкам неведома грусть монаха:
Продают хворост и зелень на дворцовых аллеях.

(27, с. 90)

Сокровенные думы в Фудзигаяцу
(пять стихотворений)

I

Ветер с беспредельного моря навевает весеннее уныние.
Вспоминаю дождливые испарения и туманы южных краев.
С трудом открываю глаза, кружится тяжелая голова.
Полутрезвый-полупьяный, от холода закутываюсь в одеяло.

II

День за днем льет дождь, не проясняется небо.
Сколько раз уже засыпал, сколько раз просыпался?
Потревожил послушника: воду для чая прошу.
Разгоняю тоску: разложил на столике книги.

III

Беседовал во сне с Конфуцием и Мэн-цзы.
Дела мирские облаку плывущему подобны.
В долине Фудзигаяцу мечусь туда-сюда.
Одиноко мне в мире без табуна из Цзи.

Прим. Область Цзи (современная провинция Хэбэй) славилась на весь Китай своими великолепными скакунами.

IV

Существует жемчужина чудная, светящаяся ночью.
Но пыль так покрыла землю, что только грязь видна.
Даже богу морскому обнаружить ее не под силу:
Трудно ее различить среди дерьма навозных жуков.

V

Уже лет восемь прошло, как я на остров вернулся.
Понапрасну силы растратил, на камни бросая зерна.
Нет проку от прогнивших сетей и сгоревших побегов.
Брошу-ка я земледелие и просто предамся сну!

Приглашаю друзей

Почему же все так бурлит,
Внутри у меня вращается-кипит?
Кто же сделал этот день для меня
Долгим, как тысяча калп?
Долог день и трудно его пережить,
Как же сдержать мне кипящий гнев?
Здесь глубоко в горах не вижу людей,
Сугробы снега мешают приходу весны.
Знаю примерно свою судьбу,
Удачу и невезенье молча принимаю.
От малейшего движения — суетные помыслы.
Отказываться или принимать,
действовать или скрываться?
Так не говорите же: "Прекрати все это!"
С кем поделиться сокровенными мыслями?
Жду, что наконец-то ты придешь,
А когда придешь, откуда возьмется тоска?

(19, с. 428, 316—17)

Подражаю древним

Бесконечен ветер в конце калпы:
Летят комья земли — "бум-бум".
Даже солнце на небе потускнело,
А люди не различают добро и зло.
Медведки и муравьи чуют запах глена,
А фениксы живут только на платанах.
Лишь я — одинокий отшельник —
Поднимаю-опускаю голову в зале Белого Облака.

(27, с. 86)

Прим. "Бесконечен ветер в конце калпы". — Считалось, что в конце последней калпы (в буддийской традиции — бесконечно долгого отрезка времени, заканчивающегося гибелью вселенной) из-под земли вырывается сильный ветер, сметающий все вокруг.

Экспромт

Роса холодна на ступенях, поросших осокой; пение цикад.
Поэт слагает стихи, но строка никак не выходит.
Ветер со двора выметает желтые листья.
Осели в горах, не несут дождя белые тучи.

Старый монах безмятежно спит: днем нет комаров.
Нищий бродяга в жалких лохмотьях вспугнул мотыльков.
Я всполоснул горшок и готовлю полуденный чай.
Вода такой чистоты только в Яшмовой есть реке.

(20, с. 106)

Прим. "Яшмовая река" — название колодца, из которого черпал воду танский Лу Дун — большой знаток и любитель чая.

Неправильные рифмы

В старости с опаской смотрю на мир, не люблю пустозвонства.
Но все же не устаю любоваться красотами природы.
Упрямо осушаю болотце прямо под окошком.
Закинув голову, смотрю за горизонт, в беспредельность.
Гонимые ветром крапивницы путаются в ароматных травах.
Выбрав местечко, стрекозы опускаются на цветы лотоса.
Если здесь пребывая, бесстрашьем уметь наслаждаться,
То и в доме Царя Закона можно жить вполне безмятежно.

(20, с. 107)

Прим. "Жить в доме Царя Закона" означает следовать буддийскому учению.

На склоне лет

Здесь на склоне лет, под холодным небом,
Когда дует свежий ветер и в небе светит луна,
Постоянно слагаю стихи в состоянии вдохновенья.
Одиноко сижу, вздыхая над неясностью форм.
Но как же мне разобраться в мирских делах?
В жизни всякого человека имеется свой предел.
Если бы мне сейчас удалось развеять тоску,
Не стал бы думать о времени, когда меня больше не будет.

(19, с. 429, 318)

РЮСЮ СЮТАКУ (1307—1388)

Рюсю родился в провинции Каи. С шестилетнего возраста был учеником Мусо Сосэки. Он стремился совместить *дзэн* с эзотерическим буддизмом (*миккё*). Особенно привлекал его культ Фудо-мёо и бодхисаттвы Дзидзо. Хорошо известны созданные им изображения гневного божества Фудо, подписанные псевдонимом Мётаку, а также каллиграфические свитки. Когда Рюсю был дарован высокий титул "наставника страны" (*кокуси*), он отказался его принять.

Рюсю является автором поэтического сборника "Дзуйтокусю". Очевидно, Рюсю обладал очень слабым здоровьем: такого количества стихотворений на темы болезни нет больше ни у одного поэта *годзан бунгаку*.

Среди людских дел ничто не сравнится со сном

Среди бесчисленных дел людских ничто не сравнится со сном.
До самых седин торопятся, мчатся на запад и на восток.
Если жить в горной хижине, безмятежно сидеть и спать,
Исчезнут все радости сами собой, а с ними и все печали.

(27, с. 96)

Ночью плыл по озеру и любовался луной

Ночью плыл на "орхидеевой лодке"; играли лазоревые волны.
Безбрежны небеса и водная гладь; на луне вижу Чан Э.
Ударяют волны в борт лодки; эту мелодию никому не понять.
Только ветер осенний врывается в песни лодочника.

(27, с. 95—96)

Прим. Легенда о Чан Э приводится в китайском сборнике "Соу шэнь цзи" ("Записки о поисках духов", 3 в. н. э.). Стрелок по имени И получил от богини Запада — Си-ванму напиток бессмертия. Однако его жена по имени Чан Э обнаружила этот напиток и вышла, в результате чего вознеслась на луну, где с той поры и пребывает.

ГИДО СЮСИН (1385—1388)

Родился в провинции Тоса. Принадлежал к линии Мусо Сосэки. Был настоятелем крупнейших монастырей *годзан* — Кэнниндзи и Кэнтэдзи. Являлся личным наставником и близким другом сёгуна Ёсимицу, для которого толковал сочинения конфуцианских классиков. С юных лет Гидо активно занимался литературной деятельностью. Его произведения составляют сборник "Кугэсю" ("Собрание цветов в пустоте") в 20 свитках. Вместе с Дзэкай Тюсином его называли "двумя драгоценностями *годзан бунгаку*". Хотя Гидо никогда не был в Китае, его стихотворения изобилуют реминисценциями и скрытыми цитатами из произведений китайской классической литературы. Он несомненно оказал сильное влияние на последующее развитие *годзан бунгаку*. В его литературном наследии имеется множество стихотворений, обращенных к разным монахам и построенных на обыгрывании основных значений иероглифов, входящих в их имена. Гидо всю жизнь страдал от плохого зрения (вероятно, от катаракты), за что и получил прозвище Кугэ (букв. Цветы в Пустоте).

В шутку отвечаю Тэнкан Сонъэну, вторю его рифмам

Знаю, что непрочны и призрачны дружеские связи.
Подобны безумному ветру, что кольшет кроны деревьев.
Только Тэнкан не таков — во всем он меня понимает.
Кроме него никому не открою на стук в калитку.

(19, с. 407, 170—71)

**Благодарю кампаку Нидзё, навестившего меня в Сёко-
кудзи, чтобы полюбоваться цветами вишни**

Надоело кампаку любоваться цветами в садах дворцовых:
Взор его пьян от весеннего неба и красочной дымки.
Уже опали цветы горных вишен, почему ж он решил
На благоуханной повозке навестить старого монаха?

(19, с. 408, 181)

Прим. Канцлер (кампаку) Нидзё Ёсимото (1320—1388) проявлял большой интерес к учению дзэн. Он известен как автор многочисленных стихотворений в жанре *вака* и *рэнга*. Нидзё является автором пятнадцати сочинений, в том числе известного поэтического сборника "Цукубасю". При помощи поэзии Гидо пытался приобщить сильных мира сего к глубинам дзэнской философии.

**Вторю рифмам стихотворения Сэн-сёнина
"Грущу о старине", написанного им
во время прогулки по Канадзава
(три стихотворения)**

I

Не прекращаю думать о Цанчжоу:
Мелодии "Белый снег" вторят редко,
Только космос подпевает протяжно.
У людей с озер и рек — короткие платья.
Рыбаки приходят, как по договоренности.
Лодочник уплывает, будто птица летит.
Но остается достойный господин Сэн —
Строки сложив, часто стучится в мою дверь.

Прим. Цанчжоу. — Служит указанием на место обитания горных отшельников. "Белый снег". — У китайского поэта Сун Юя в "Оде чуждому князю" есть строки: "Во всем княжестве найдется не более десяти человек, способных вторить мелодии "Белый снег солнечной весной".

II

Зябко в храме времен прежней династии.
Так бесплодно, что и монаха встретишь редко.
Строения ветхие, на стенах — копоть от дыма.
В омуте старом вода — как складки платья.

Догорели благовонные свечи — холодает.
На толкователей сутр дождь из цветов летит.
Сетует гость мой на призрачность славы.
Ветер качает дощатую белую дверь.

Прим. "Прежняя династия" — это Камакурский сёгунат.

III

Горы и реки такие же ныне, как прежде,
Но почему же люди встречаются редко?
Обладавшие властью отошли в мир иной.
Изменилась погода — одела белое платье.
Вокруг Полярной звезды сияют созвездья.
Одинокая птица снова на юг летит.
Мне же мил только "золотой небожитель":
С сутрой в руках закрывает старую дверь.

(19, с. 409, 187—89)

Прим. "Вокруг Полярной звезды сияют созвездья". — В "Луньюй" говорится: "Правящий с помощью добродетели подобен Полярной звезде, которая занимает свое место в окружении созвездий" ("Древнекитайская философия", т. 1, 1972, с. 142).

"Золотой небожитель". — Имеется в виду буддийский монах Сэн-сёнин, к которому и обращены эти строки.

В восьмой день двенадцатой луны обращаюсь к ученикам

Старею — все трудней следовать Пути.
Болею — нет сил выйти из монастыря.
Чем могу помочь живущим на земле?
Все больше преград на мирских тропах.
Проснулся — низко над входом висит звезда.
Чистое небо. Снег лежит на заставе.
Как мне жаль его, курчавого старика,
Босиком ступающего по скалистому склону.

(27, с. 107)

Прим. Это стихотворение посвящено Будде Шакьямуни, который достиг просветления на горной вершине в 8-й день 12-й луны. Гидо выражает свое отношение к этой памятной для буддистов дате через личный опыт.

**В шутку отвечаю Гидану: вторую рифмам его
стихотворения "Жалуюсь на зрение"**

Если зрение не в порядке, — рябит в глазах от весеннего света.
Знаю, что охваченный ленью, ты на мир неподвижно взираешь.
Но постигнув внезапно пустоту видимых форм,
Перестанешь грустить при виде цветов в слабой дымке тумана.

(20, с. 19)

Прим. Гидо с юных лет страдал болезнью глаз, и в данном стихотворении подчеркивает, что даже мнимые "мушки" перед глазами — это лишь иллюзия, которая исчезает после "пробуждения".

**Во время болезни наставляю учеников
шуточным стихотворением**

В теле страсти бушуют — грозят ему сотней болезней.
Мне недолго осталось: уже близок мир духов.
Но смешны мне те странные, глупые дети,
Что срывают "цветы в пустоте", удержать пытаюсь весну.

(27, с. 102—03)

Прим. "Цветы в пустоте" (куэ) — метафорическое обозначение для иллюзии, порождаемой сознанием. Гидо часто прибегал к этому образу и даже включил его в название своего сборника "Кутэсю".

**В "день человека" из-за глазной болезни
не пошел на поэтическую пирушку.
Ради забавы написал это стихотворение
и послал его**

Каждый год в этот день вспоминаю цветов ароматы.
Сколько раз, сочиняя стихи, хотелось добиться успеха!
А сегодня смешон я даже сливы цветам в этой хижине.
Мутным взором смотрю, но не вижу "дворцовых красоток".

(20, с. 26)

Прим. "День человека" приходился на седьмой день первой луны.
"Дворцовыми красотками" поэт, видимо, называет цветы.

**Воробей в зарослях бамбука
(три стихотворения)**

I

В царских амбарах зерно не клюет,
Крыши богатых домов не долбит.
Вся жизнь его — среди лесов и гор.
Ночью спит на бамбуковой ветке.

II

Не завидуй облакам, что плывут вдалеке,
Не презирай колочку за ее никчемность.
Хоть и тесно то гнездо, что построил ты,
Это лучше, чем быть бездомным, как сорока.

III

Беспокойно жить на ветке под порывами ветра.
Холодно спать, когда на листьях лежит роса.
Нужно жить подальше от высоких строений:
У внука правителя под мышкой пуля от арбалета.

(20, с. 32)

**Экспромт, сочиненный при покидании поста
в храме Нандзэндзи**

Безбрежно море страданий: волны льнут к небесам.
"Восемь ветров" гонят лодку, охваченную страстями.
Нужно перевозить других, но как самому бы добраться
Что ж, поплыву по мелководью среди цветов и камышей.

(27, с. 105)

Прим. "Восемь ветров" — это восемь категорий предопределенности прежней кармой: успех, неудача, клевета, восхваление, превозношение, злопыхательство, грусть и радость.

В буддизме "переправа через реку" — это метафора спасения от бесконечной цепи рождений-смертей.

**Написал в первый день года после того,
как отказался принять гостей**

И в новом году дни и месяцы будут, как обычно.
Но суетятся миряне — Новый Год встречают.
А дряхлый старик с приходом весны любит поспать.
Не приходите, не тревожьте мой полуденный сон.

(27, с. 104)

ДЗЭККАЙ ТЮСИН (1336—1405)

Родился в провинции Тоса. В 1348 г. стал учеником Мусо Сосэки. В 1364 г. из Киото переехал в Камакура, где стал учеником Гидо Сюсина. С 1368 по 1378 г. жил в Китае, где учился у самых известных наставников своего времени. Дзэккай превосходно знал китайскую культуру и литературу. Его сочинения, насыщенные литературными реминисценциями, получили высокую оценку современников, о них благосклонно отзывались даже китайские литераторы, считавшие, что в его стихотворениях нет привкуса "японского духа". Он даже получил аудиенцию у китайского императора Тай-цзу, и написал для него стихотворение, на которое тот ответил своим — такой чести не удостоивался ни один другой японец. Возвращение на родину, раздираемую междоусобными войнами, произвело на Дзэккай тяжелое впечатление и он удалился в горы в провинции Оми. Однако благодаря содействию Гидо Сюсина он попал в ближайшее сёгунское окружение и с той поры занимал высшие должности в крупнейших храмах. Дзэккай пользовался благорасположением сёгунского правительства: в его обязанности входило ведение дипломатической переписки с Китаем. Поэтические произведения Дзэккай включены в сборник "Сёкэнко".

Старый храм

Вход в старый храм не могу отыскать:
Плотно опутан он глициниями и лозой.
С крыши упали цветы, сметены дождем;
Птицы в полях песни поют для меня.
Будды сидение все заросло травой,
Стерлась с него позолота даров.
Даты не вижу на надгробной плите:
Тан или Сун — трудно ответить мне.

(27, с. 114)

**Преподношу монаху Чжань-жаню
в знак благодарности за его картины
(стихотворение первое)**

Запер ворота на горе Тысячи Пиков.
Здесь обитаю среди облаков и птиц.
Целый день не устаю любоваться горами.

Чистый ветер рвется в плетеную дверь.
На обед — блюдо из сосновых игол.
В каштановый цвет выкрашено платье.
Найдется ли в мире сон столь чудесный,
Чтобы ради него спустился с зеленых высот?

(20, с. 178)

После дождя поднимаюсь на башню

Дождик прошел, обмыл раннюю осень.
С другом подвинулись на башню возле реки.
Как передать древнюю грусть Чжун-сюаня?
Средь деревьев в тумане — непреходящая скорбь.

(27, с. 117)

Прим. Чжун-сюань — второе имя ханьского литератора Ван Цая (177—217). Однажды поднявшись на башню, ощутил грусть по родным местам и по этому случаю сложил "Оду о восхождении на башню".

ГУТЮ СЮКЮ (1323—1409)

Гутю родился в провинции Мино. В возрасте 13 лет стал учеником Мусо Сосэки. Другим его учителем был известный монах-поэт Рюсю Сютаку. В 1341 г. отправился в Китай, и только через 10 лет вернулся на родину. Гутю был советником сёгуна Ёсимоти. Рассказывают, что он был ранен мечом монаха, который усомнился в истинности его религиозного опыта, приобретенного в Китае. После этого случая Гутю стал отшельником и даже ухаживал за могилой своего обидчика, утверждая, что без его содействия он никогда не познал бы радости медитации в одиночестве. Его поэтические произведения включены в сборник "Канъёсю".

Слушаю дождь во вторую ночь третьей луны

Из-за зарослей слышу звон поясных подвесок:
Какой благородный отрок появился в этих горах.
И вот теперь вслушиваюсь напряженно —
Завтра на ветвях персика появятся тысячи цветов.

(27, с. 99)

Вторю рифмам стихотворения "Обитель Юньюан" основателя Тэнрюдзи

На скалах растут деревья — поэтому здесь смеркается рано.
Облака от этой пещеры блуждают куда попало.

Памятники культуры Востока

Здесь в бескрайних просторах замерзал он на циновке.
Беззаботно скитался в мыслях, не смешиваясь с толпой.

(27, с. 99)

Прим. Основатель монастыря Тэнрюдзи — Мусо Сосэки.

Отвергаю гостей

Этот монах боится прихода своих собратьев:
Словно бы будучи циньцем не любит жителей Цинь.
К Чистой Земле сердце само меня приведет.
В этом мире радостно быть одиноким и бедным.

(27, с. 100)

Прим. "Чистая Земля" — Западный рай в традиции амидаистского буддизма. Эта строка свидетельствует о том, что во времена Гутю эта концепция получила широкое распространение и в дзэнской среде.

Скорблю над собой

Седовласый сельский монах — не ведаю о временах года.
Но как мне разобраться в смене месяцев и дней?
Слава и выгода, "да" и "нет" — все это давно позабыл;
Одежда — листья лотоса, еда — сосновые иглы;
такова моя карма.

(27, с. 109)

ТЭССЮ ТОКУСАЙ

Тэссю жил в первой половине 14 века, но точные годы жизни его неизвестны. Вначале он учился в монастыре Тэнрюдзи у Мугоку Сигэна (1282—1359), ученика Мусо Сосэки. Некоторое время провел в Китае, но по возвращении постоянно жил в Мандзюдзи. Он славился как каллиграф и оставил сборник поэзии "Эмбусю" ("Собрание изменчивого мира"). В его творчестве нашла отражение тенденция соединять *дзэн* с амидаизмом.

Скорблю о достопочтенном Сэссоне

Подул страшный ветер, опрокинул буддийский стяг.
И все сущее в мире погрузилось в печаль.

На пустом дворе не вижу даже дремлющей кошки,
Но порхают бабочки, суетятся пчелы, солнце садится за гору.

(27, с. 112)

Прим. В Китае пион считался "царем цветов", иногда его называли "лоянский цветок", достойный произрастать только в императорской столице. В двух последних строках обыгрываются стандартные сюжеты дзэнской живописи: "Пион и спящая кошка" и "Бабочки среди пионов".

Сочинил на горячих источниках

Перед глазами желтая пыль; печален больной путник.
Падают листья утунов — мне не устоять перед осенью.
Но выкупался в теплом ключе — и стало все ни о чем.
Противно только, когда синие мухи на голову садятся.

(27, с. 113)

Прим. "Синие мухи" (*сэйё*) выступали в качестве аллегории наушничества, злословия и скаредности. В любом случае — это нечто неприятное, нарушающее благость состояния после купания в чистом источнике, символизирующем обновление.

КОКЭН МЁКАЙ (ум. ок. 1390 г.)

Вначале изучал дзэн в Тэнрюдзи у Мусо Сосэки, потом с 1345 по 1365 г. учился в Китае. По возвращении на родину снова поселился в Тэнрюдзи, но вскоре его пригласили в храм Дайкомёдзи, где он читал лекции для экс-императора Комё и принимал участие в поэтических собраниях. В 1383 г. Кокэн был назначен настоятелем Кэнниндзи в Киото, а позднее встал во главе Кэнтёдзи в Камакура. Кокэн славился своим независимым и решительным характером.

Составленный им в Китае поэтический сборник "Фусо итиё" ("Листок шелковицы") утрачен; сохранились только "записи речений" (*гороку*) и поэтический сборник "Рёгэнсю" ("Сборник разочарований"), составленный уже в Японии, но в котором встречаются и стихотворения, связанные с его китайским опытом.

Напеваю под нос

Рядом горы, но нет хвороста, чтобы разжечь огонь.
Длинная галерея, ветер, дождь, тихий вечер.
Я стар и очень болен: редко приходят гости.
Посмеиваюсь: в тишине радуюсь своей беззаботности.

(27, с. 120)

Весенняя река

Восточный ветер дует над водой, катятся изумрудные волны.
Это чья же рыбацкая лодка в лучах заката?

Опавшие цветы в Южном заливе — как снег в третью луну.
Плакучие ивы на Западном Озере — их скопление в тумане.
Плывущая чарка на переправе — выпил на твердой земле.
Орудя веслом над скалой, со смехом достает до небес.
Но пора уже возвращаться — высокими стали волны!
За белыми гусями слышны размеренные голоса.

(27, с. 120)

Прим. Ю ж н ы й З а л и в (Наньфу) имелся в провинции Чжэцзян, но такое название существовало и в других местах Китая.

З а п а д н о е О з е р о (Сиху) находится в пров. Чжэцзян к западу от г. Ханчжоу.

ТЮДЗЁ ДЗЁСИН

Точные годы его жизни неизвестны. Вместе с Дзэкаем в 1386 г. он отправился в Китай, где провел более десяти лет, Его псевдоним — Хэкиун, откуда происходит и название сборника его сочинений "Хэкиунсю" ("Сборник Белого Облака").

Встаю после болезни

Весна на исходе — близится моя осень.
Дни текут как вода в моей спальне.
Ивовый пух и цветы персиков — вчерашний сон;
Утуны и цикады вызывают новую грусть.
Хотя много болезней, но их источник — человеческая природа.
Пусть отмерено тебе даже сто лет, все равно наставнет конец.
Днем и вечером свежий ветер дует с края небес;
Хотя я изможден, хочу один подняться на башню.

(27, с. 122)

Посылаю Дзэкай Тюсину, возвращающемуся в Японию

Вот проводил тебя на родину;
Лежу больной, смотрю на Чуские горы.
Хотел бы последовать за ним,
Но почему-то один остаюсь здесь.
В беспредельном небе — вдали одинокий гусь.
В бескрайнее море впадают сотни рек.

Думы о расставании и весенняя досада:
Вот-вот моя голова станет совсем седой.

(27, с. 124)

ИТЮ ЦУДЗЁ (1349—1429)

Вначале Итю учился у Тюгана Энгэцу и Гидо Сюсина. Большую часть жизни провел в крупных монастырях Киото; в Китае он никогда не был. Он имел прозвище Унгаку ("Облачная Долина"), которое отражает его пристрастие к вольной отшельнической жизни и присутствует в названии сборника его произведений "Унгаку энгин" ("Напевы обезьяны из Облачной Долины").

Посылаю далекому другу

Витают ароматы над лотосами в реке.
Звучит вечерний дождь среди осенней прохлады.
Пара лебедей устраивается в одном гнезде,
Затем взлетели, отправились в дальнюю провинцию.
Расставшись с тобой, разделен тысячей ри.
Из такой дали даже письма не доходят.
Речные воды бессердечны:
Только плещутся день за днем.

(27, с. 125)

Прогулка под луной

Гуляю под луной — осень навевает думы.
Брожу взад-вперед, оглядываюсь на свою тень,
не знаю, что делать.
В былые годы один на границе в горах любовался луной.
Некогда до рассвета слушал мелодию "Цветы сливы".

(27, с. 127)

Библиография

1. Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972.
2. Кабанов А. М. Дзэн и традиционная китайская культура в средневековой Японии. — Общество и государство в Китае. Доклады и тезисы. М., 1982, ч. 2, с. 71—78.
3. Кабанов А. М. Человек и природа в поэзии годзан бунгаку. — Человек и мир в японской культуре. М., 1985, с. 72—86.
4. Кабанов А. М. Формирование системы годзан и бюрократизация дзэн-буддизма. — Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., 1987, с. 180—203.
5. Имаэда Айсин. Дзэнсю-но рэкиси. Токио, 1963.
6. Имаэда Айсин. Муромати дзидай-ни окэру дзэнсю-но хаттэн. — Адзиа буккёси. Нихон-хэн. Токио, 1972, т. 6.
7. Ирия Ёситака. Дзякусицу. — Нихон-но дзэн гороку. Токио, 1978, т. 10.
8. Кагэки Хидэо. Годзан сиси-но кэнкю. Токио, 1977.
9. Като Сюити. Нихон-ни окэру гэйдзюцу сисо-но тэнкай. — Иванами кодза. Тэцугаку. Токио, 1969, т. 14.
10. Намимото Саваити. Дзякусицу Гэнко. Токио, 1983.
11. Окада Масаюки. Нихон камбунгаку си. Токио, 1929.
12. Оно Китаро. Годзан бунгаку кэнкю. — Нихон бунгаку кодзан. Токио, 1935, т. 15, с. 329—340.
13. Сэгава Танэро. Годзан бунгаку кэнкю. — Нихон бунгаку кодза: Муромати дзидай. Токио, 1932.
14. Такэзуги Митио. Нихон-но дзэн. Токио, 1981.
15. Тамамура Такэдзи. Дзэн-во тэнсэки. — Дзэн. т. 5 (1941).
16. Тамамура Такэдзи. Годзан бунгаку: тайрику бунка сёкайса тоситэ-но годзан дзэн-со-но кацудо. Токио, 1955.
17. Тамамура Такэдзи. Мусо-кокуси. Токио, 1957.
18. Тамамура Такэдзи. Годзан бунгаку синсю. Токио, 1968—1972, т. 1—6.
19. Тамамура Такэдзи. Годзан-но си-со. — Нихон-но дзэн гороку. Токио, 1978, т. 8.
20. Тэрада Тору. Гидо Сюсин, Дзэккай Тюсин. — Нихон сидзин сэн. Токио, 1977, т. 24.
21. Уэмура Канко. Годзан бунгаку коси. Токио, 1906.
22. Уэмура Канко. Годзан бунгаку дзэнсю. Токио, 1907—1915, т. 1—4.
23. Уэмура Канко. Годзан си-со дэн. Токио, 1911.
24. Фукусима Сюнъо. Кокав. Токио, 1944.
25. Фуруга Сёкин. Бассуй. — Нихон-но дзэн гороку. Токио, 1978, т. 7.
26. Цудзи Дзэнносукэ. Нихон буккёси-но кэнкю (дзоку-хэн). Токио, 1942.
27. Ямагиси Токухэй. Годзан бунгакусю, Эдо кансисю. — Нихон котэн бунгаку тайкэй. Токио, 1966, т. 89.
28. Янагида Сэйдзан. Мусо. — Нихон-но дзэн гороку. Токио, 1978, т. 7.
29. Ясураока Косаку. Кансибун. — Нихон бунгакуси. Тюсэй. Токио, 1959, с. 216—239.
30. Colas A.-L. Poèmes du Zen des Cinq-Montagnes. Paris 1991.
31. Collcutt M. Five Mountains: The Rinzai Zen Institution in Medieval Japan. Cambridge, Mass., 1981.
32. Faure B. The Rhetoric of Immediacy: A Cultural Critique of Chan. — Zen Buddhism. Princeton, 1991.
33. Kabanoff A. Chugan Engetsu (1300—1375): Zen Monk and Poet. — Preprints of the Sixth International Conference of the European Association For Japanese Studies: Literature Section. Berlin, 1991, p. 28—35.
34. Kabanoff A. Zen and Chinese Culture in Japan: Discrimination or Selection. — Modulation in Tradition: Japan and Korea in a Changing World. — Acta Universitatis Tampereensis, ser. B, vol. 43. Tampere, 1993, pp. 49—64.
35. Pollack D. Zen Poems of the Five Mountains. New York, 1985.

36. Pollack D. *The Fracture of Meaning: Japan's Synthesis of China from the Eighth through the Eighteenth Centuries*. Princeton, 1986.
37. Rosenfield J. M. *The Unity of the Three Creeds: a Theme in Japanese Ink Painting of the Fifteenth Century*. — *Japan in the Muromachi Age*. New York, 1977, p. 205—226.
38. Varley H. P. *Ashikaga Yoshimitsu and the World of Kitayama: Social Change and Shogunal Patronage in Early Muromachi Japan*. — *Japan in the Muromachi Age*. New York, 1977, p. 183—204.
39. Ury M. *Poems of the Five Mountains: An Introduction to the Literature of the Zen Monasteries*. Tokyo, 1977; 2nd Rev. ed. Ann Arbor, 1992.
40. Watson B. *The Japanese Literature in Chinese Language*. New York, 1976, vols. 1—2.

A. KABANOFF.

POETRY OF THE FIVE MONASTERIES

The literature of the Five Monasteries (or Five Mountains) — *gozan bungaku* — was created by Japanese Zen monks in the Chinese language (*kanbun*) and flourished from thirteenth through sixteenth centuries. Though it was mainly focused on religious and philosophical aspects, certain secular subjects were not ignored as well.

The traditional Chinese poetry was of great esteem among Japanese Zen monks, who were eager to follow its patterns while accommodating it to a peculiar Japanese reality.

The introduction provides a cursive survey of *gozan bungaku* and delineates the main results of studies on it in Japan and the West.

The translations of poems are followed with minimal annotations necessary for explanations of names, terms or allusions to Chinese sources.